

УДК 005.32 : 316.4

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-260-267

Философия общего дела субъектов гражданского общества Татарстана

Аганов Олег Дмитриевич

Доктор философских наук,
профессор, советник ректора
Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова

Статья посвящена анализу деятельности институтов гражданского общества в первой четверти XXI в. в Республике Татарстан как одного из регионов Российской Федерации. Автор обращает внимание на вопросы конституирования, институционализации многообразных гуманитарных инициатив татарстанцев. В контексте реконструкции исторического пути Татарстана (1989–2025 гг.) было выявлено, что ключевым мировоззренческим ориентиром взаимодействия между гражданами, институционализированными общественными объединениями (НКО) и государственными структурами выступает философия общего дела, воплощенная в лозунгах «Мы вместе / Без бергэ» и «Мы можем / Без булдырабыз». Перечисленные формулы выступают интенцией для всех субъектов гражданского общества, делающей возможным его интерактивность, интересубъектность, диалогичность и интерпретативность, что открывает путь к медиации смыслов, росту сознания и самосознания субъектов гражданского общества, выработке проактивного социально-гуманитарного мышления, воплощающегося в масштабных проектах власти, граждан и общественных институций.

Ключевые слова: инициатива, почин, предприимчивость, проактивность, субъектность, стратегия

Для цитирования: Аганов О.Д. Философия общего дела субъектов гражданского общества Татарстана // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 260–267. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-260-267.

«Философ – это человек, желающий понять свое время и помочь другим людям изменить условия их бытия посредством осмысления их положения» [1, с. 303].

Введение, или Философия общего дела Татарстана

Проанализировав опыт модернизации стран Азии (КНР, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), В.Г. Федотова и В.А. Колпаков сделали следующие выводы: «1. Проблема социальных трансформаций для своего обсуждения нуждается не только в макросхемах, но и в микроанализе того, как это происходит на уровне каждой страны и даже ее по-разному развитых регионов. 2. Успех может быть достигнут при отказе от разрушения собственных особенностей, прежде казавшихся исключительным препятствием развитию, вхождению в современность, обновлению, в сторону конкурентоспособности с запад-

ными странами. 3. Развитие без предварительной смены идентичности позволяет людям сохранить достоинство. Достоинство состоит и в готовности к жертвам, и в готовности к трудовой аскезе (а не только гедонистическим ожиданиям). Люмпенизированному населению нечем и незачем жертвовать, оно само – жертва догоняющей модернизации. Люди, сохранившие идентичность и достоинство, уверены в себе настолько, чтобы успешно и целенаправленно действовать.....» [2, с. 269–270].

Более того, по В.В. Малявину, специфика Китая – это модернизация на базе собственной модели рациональности – конфуцианства, а не западной – декартовской, что делает его единым экономическим

субъектом, где политический класс, интеллигенция, чиновничество, предприниматели, иные хозяйствующие субъекты члены единой корпорации [3, с. 304]. Россия сегодня осознала себя как субъекта исторического бытия, понимающего социально-антропологическую важность традиционных ценностей. Иначе говоря, и перед федеральным центром, и перед регионами, в целом перед российской гражданской политической нацией стоит цивилизационная задача по **вращиванию смыслов и институтов жизнеспособности** в XXI в.

Итак, достоинство и опора на собственную социокультурную идентичность стали основой успешности воплощения модернизации стран тихоокеанского региона. Безусловно, внутри китайского и японского обществ были и есть противоречия, но они, как правило, решаются между собой с опорой на *собственные ресурсы*. Даже мера открытости и принятия чужого / другого опыта здесь своя, определяется активными политическими и гражданскими силами. Указанное обстоятельство не позволяет произойти расколу общества (на «старых» и «новых», на годных и негодных). Также в указанных условиях низок уровень подозрительности, узок круг лиц поклонников «теории заговора» и любителей поиска «врагов народа» / «пятой колонны».

На наш взгляд, суть достоинства в экзистенциальном событии *стояния* или пребывания в современности, где *мысль – действие – ответственность* даны и разворачиваются в единстве бытия личности как человека и гражданина. Смысл достоинства в том, чтобы быть *самим собой* или другим собой (альтернативным себе или живым, растущим, развивающимся в противовес косному / мертвому еще до смерти) в ту меру, которая, собственно, и делает человека личностью. Несомненно, мы отдаем себе отчет в том, что концепт достоинства весьма богат на смыслы и требует более детальной герменевтики, социокультурного резонанса. Более того, необходимо видеть и риски сознания достоинства (гордыня, изоляционизм). Однако ни правовое государство, ни гражданское общество, ни инновационная экономика, невозможная без гражданина, обладающего сознанием (а не только чувством) собственного достоинства, достоинства своей семьи / фамилии / (на) рода, достоинства общества / государства, достоинства выбранного пути.

Бытие России как государства-цивилизации также опирается на концепты достоинства и выработки собственного цивилизационного пути. Прямым свидетельством этого является ее *суверенное развитие*, противодействие русофобии и практикам навязанной идентичности. Путь России – путь политической, экономической и социокультурной рефлексивной модернизации в условиях мир-системы Модерна. Суверенное развитие России – это динамика развития российской гражданской политической нации,

которая выступает общей средой развития для всех народов и народностей, в нее входящих. Каждый из 89 регионов России сегодня может рассматриваться как в контексте общего развития, так и многообразия практик, воспроизводящих конкретику исторического опыта, социального капитала, технологических возможностей. Специфика Российской Федерации состоит в том, что каждый из ее субъектов имеет широкие возможности для проявления социально-экономических и социокультурных инициатив, что создает богатство стратегий и практик во внутренней и внешней политике. В частности, Республика Татарстан, как и другие субъекты России, активно сотрудничает с иностранными административно-территориальными образованиями, субъектами иностранных федераций и иностранными государствами в соответствии с законодательством РФ. Указанное взаимодействие характеризуется в Конституции Российской Федерации (далее – КРФ) (п. 1 ст. 72) и в Федеральном законе от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» как «международные и внешнеэкономические связи» [4, с. 132]. Республика Татарстан как субъект Российской Федерации обладает множеством практик и инструментов для обогащения общей линии внешней политики Российской Федерации (Всемирный конгресс татар, «исламский банкинг», БРИКС).

Вопрос вопросов: на каком мировоззренческом фундаменте конституируется «модель» Татарстана? Полагаем, что в эпоху перемен 1989–2004 гг. в ТАССР – ТССР – Республике Татарстан нашли формулу общественного согласия, позволяющую обрести единство и способность к развитию. На наш взгляд, наиболее полно – это выражено в двух формулах, а именно: «*Мы вместе / Без бергэ*» и «*Мы можем / Без булдырабыз*». Именно в этих призывах дана интенция для всех субъектов гражданского общества, делающая возможным его интерактивность, интересубъектность, диалогичность и интерпретативность, открывающая путь к медиации смыслов, росту сознания и самосознания субъектов гражданского общества, выработке проактивного социально-гуманитарного мышления, воплощающегося в масштабных проектах власти, граждан и общественных институций. Двойной призыв «Без бергэ» и «Без булдырабыз» образует мировоззренческий каркас, сообщающий гражданскому сообществу Татарстана определенную *стать* и *достоинство*, позволяющий ему на уровне общественного сознания создать образ и самообраз себя.

Слагаемые идентичности Татарстана	
<i>Мы вместе / Без бергэ</i>	<i>Мы можем / Без булдырабыз</i>
Единство	Способность к развитию
- граждан, государства и НКО;	- проактивное

- длинная формула татарстанской идентичности; - диалог между светски и религиозноориентированными гражданами; - межнациональный и межрелигиозный диалог - неприятие радикализма, экстремизма и терроризма как стратегий развития; - принятие исторического опыта как ресурса социально-цивилизационного развития без обнуления исторической памяти	мышление; - мягкое вхождение в любой процесс; - стратегия сопровождения / наставничество; - стратегия поддержки гуманитарных, социальных и технологических инициатив; - ориентация на внедрение; - комплексный подход к развитию
--	---

	межконфессионального согласия, взаимодействия традиций и культур
3.	Татарстан – место паритета татарской и русской культур, уникального взаимодействия ислама и православия
4.	Татарстан – центр татарской культуры, место памяти и точка притяжения всех татар
5.	Татарстан – территория мирного ислама, центр исламской культуры в России
6.	Татарстан – передовой, инвестиционно и туристически привлекательный регион России
7.	Татарстан – территория исторических корней российской государственности, уникального развития православия и русской культуры

Л.В. Сагитова отмечает, что «ведущая роль в формировании новой идентичности республики была за властной элитой. Реальные властные полномочия, её легитимность в диалоге с Москвой (в противовес национальному движению), опыт партийной работы в сочетании с умением применять идеи пользующихся массовой поддержкой общественных сил позволили команде первого Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева провести свой вариант политической идентичности республики: добиться экономической самостоятельности; нейтрализовать радикальные проявления национализма и заложить основы республиканской культурной политики, направленной на выравнивание статусов русской и татарской культур и языков» [5, с. 135–147].

От философии к социологии

Обширное социологическое исследование Г.И. Макаровой, с применением количественных и качественных методов, показало, что сегодня есть ряд позитивных моментов в восприятии образа Татарстана как составной части Российской Федерации. Согласно позиции респондентов как из политического класса, так и большинства граждан, Татарстан принял сложившуюся за 1989–2000 гг. идентичность – бренд – особого региона России, способного быть активным субъектом политических, социально-экономических и социокультурных инициатив. Подобный уровень – множественной идентичности с общероссийской доминантой выступает большим цивилизационным достижением государственно-политического развития Республики Татарстан, который должен быть *не только сохранен, но и обогащен* новыми смыслами и практиками, позволяющими создать глубокую и институциональную структуру развития России в XXI в. В частности, татарстанцы на уровне общественных форм сознания и дискурса воспринимают Татарстан как *«неотъемлемую часть Российской Федерации, обладающую высоким экономическим, человеческим, культурным потенциалом»* [6].

1.	Татарстан – регион, имеющий особые договорные отношения с центром и собственную модель этнокультурной политики
2.	Татарстан – территория межнационального и

Более того, цивилизационное развитие российского государства-цивилизации предполагает высокую связность социально-экономического, военного, технологического, научного и социокультурного планов всех субъектов Российской Федерации, каждый из них обладая самобытностью и ресурсами для развития, созидает совместное общее цивилизационное поле развития России. В свою очередь, федеральный центр – это не просто распределитель бюджета, а *метасубъект*, задающий всей России целостность, единство, полноту, завершенность, создающий основу для социально-экономического и социокультурного развития и безопасности.

Гражданское общество: разрыв шаблона

Более сорока лет (80-е гг. XX – н.в.) определенная часть российской административно-академической среды берет за *аксиому* положение о том, что в России нет и не может быть гражданского общества. На все аргументы о том, что историческое бытие России противоречит этому предубеждению, как правило, предлагается показать политические партии, готовые идти на штурм системы и т.д. Однако в основании подобных убеждений, полагаю, кроется заблуждение. И. Валлерстайн, изучая историю институтов гражданского общества, показал, что оно не сводится к деятельности политических партий, а может быть направлено на устройство жизни сообществ людей по широкому спектру мира повседневности. Ч. Тейлор и О. Хархордин напоминают нам, что согласно одной из традиций новоевропейской политической философии, идущей от Ш. Монтескье, Б. Констана и А. Токвиля, гражданское общество – это *corp intermediaries*, т.е. пространство *«промежуточных тел»* или «властей», опосредующих отношения между индивидом и государством [7, с. 328]. Поэтому не только парламент может выступать институцией гражданского общества, но и салоны и кружки, газеты, особые совещания (они же «фабрики мышления» в министерствах), университеты, местное самоуправление.

«Промежуточные тела» – это ассоциации, союзы, корпорации – общей чертой которых выступают интерес, общее дело, свободное волеизъяв-

ление. Неслучайно XVII–XXI вв. стали периодом становления и развития гражданских сообществ, где в единстве многообразия (религиозного, этнического, профессионального и т.д.) оттачивались идеи и практики личностного бытия. Ойген Розеншток-Хюсси, один из реконструкторов корпуса Современности, отмечал, что «гражданин – тот, кто живет и работает так, как если бы он сам был основателем дела, которому он служит, законодателем общности или “града”, где он нашел свое место» [8, с. 270].

Сегодня основой сборки развивающегося субъекта России выступают национальные проекты, СВО и альтерглобализм. Относительно Республики Татарстан, то, реконструируя путь политического руководства и народа Татарстана, можно констатировать, что во многом они интуитивно пошли именно путем «сборки субъектов». Сама «модель Татарстана» и ее реализация (1990–2020 гг.) является собой *онтологию развития*. Каждый новый шаг – Универсиада 2013, *Kazan World Skills* 2019, Игры будущего 2024 г., Саммит БРИКС-2024 – вовлекает в процессы практически всех граждан республики, совершенствуя их профессиональные, гражданские и социокультурные компетенции.

Фактически Общественная палата Российской Федерации и ее субъектов выступают «*рефлексивными площадками*» или «*фабриками мышления*» развития различных субъектов российского общества, для которых «оснащенная языковыми средствами для осознания и структурирования им реальности самого себя и своей деятельности» [9]. Ярким свидетельством наличия «модели Татарстана» выступает деятельность татарстанцев, вовлеченных в различные практики гражданского служения, позволяющих воплощать как личные достоинства и таланты, так и изменять социальную жизнь России и Татарстана, выводить ее на новый качественный уровень. Наиболее полно социально-гуманитарные практики развития Республики Татарстан получили благодаря формированию *Общественной палаты республики* (далее – ОП РТ) в 2006 г. (руководители: 2006–2012 гг. – И.К. Хайруллин; 2012–2019 гг. – А.А. Фомин, 2020–2025 гг. – З.Р. Валеева, н.в. – А.М. Терентьев) [10, с. 252]. Возникнув в рамках формирования Общественной палаты Российской Федерации, она стала площадкой диалога между государством, институтами гражданского общества. Под эгидой ОП РТ проводятся Республиканские форумы социально ориентированных некоммерческих организаций (2011 г., 2013 г., 2015 г., 2017 г., 2020 г., 2022 г.), способствующие обсуждению важнейших проблем деятельности СО НКО Татарстана, снятию административных барьеров и препятствий в деятельности гражданских активистов, волонтеров, благотворителей.

Общественная палата Республики Татарстан стремится координировать деятельность институ-

тов гражданского общества в различных сферах и на разных уровнях социума. Важнейшим партнером Общественной палаты Республики Татарстан являются вузы региона К(П)ФУ, КГЭУ, КНИТУ – КАИ, КНИТУ – КХТИ, КГМУ, КГАСУ, КИУ. В настоящее время в Республике действует 33 общественных совета при органах исполнительной власти и 44 муниципальных общественных совета. Высокой мотивацией для деятельности СО НКО стал Указ Президента Республики Татарстан от 03.07.2015 № УП-619 «Об учреждении премии Президента Республики Татарстан за вклад в развитие институтов гражданского общества в Республике Татарстан». За десять лет премии Президента Республики Татарстан были удостоены 30 человек и 50 некоммерческих организаций.

Гражданское общество: не сколько что, а кто

Таким образом, в дискуссии о наличии или отсутствии гражданского общества можно поставить точку – *оно есть* и весьма активно развивается, но не по лекалам оторвавшихся от реальности постмодернистских интеллектуалов на службе глобальных ТНК. Методологический изъян абстрактного поиска гражданского общества состоит в том, что вместо обсуждения вопроса о *субъекте / субъектах* гражданского общества, т.е. буквально о тех политических партиях, гражданских объединениях и движениях, составляющих дух и плоть социальности, именно от действий и деятельности различных НКО напрямую зависят дела милосердия и благотворительности, волонтерства и многое иное. Дальнейшее развитие России как субъекта цивилизации предполагает проработку системы онтологий, «ориентированных на организацию функциональных связей и коммуникативных процессов, обеспечивающих включенность всех субъектов в поддержку процессов целеполагания (*онтология «развития»*) и стратегического планирования и проектирования (*онтология «конструирования»*), обеспечения жизнедеятельности (*онтология «сопровождения»*), преодоления точек разрыва в жизнедеятельности (*онтология «поддержки»*), обеспечения инноваций (*онтология «внедрения»*). Все онтологии взаимосвязаны в единой системе обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития социальной системы» [9, с. 38].

В рамках реализации каждой из них конституируется и институционализируется определенный субъект – от вполне конкретной личности до профессиональных сообществ, управленческих команд, всей гражданской политической нации в целом.

Согласно социально-философской реконструкции Ю. Хабермаса, развитие гражданского общества в Западной Европе характеризуется тем, что её ключевым атрибутом выступает *публичная сфера*, превращающая любое государство в коммуникативное *со – общество* и большое герменевтическое

поле для согласования жизненных приоритетов и определения насущных моментов совместной деятельности, а также конституирования идентичности, дающей жизнь такой целостности, как народ [11, с. 336].

Исторический опыт стран Западной Европы, безусловно, интересен, но его нельзя воспринимать как догму и шаблон. Элементы гражданского общества были известны демократическо-республиканским общностям древности (общины), средних веков (церковь, цеховые сообщества, еретические сообщества), нового времени (коммуны, буржуазные республики, гильдии), но по-настоящему институализация гражданского общества относится к обществу Модерна/индустриальному обществу (Гегель, К. Маркс, Н. Элиас, Ю. Хабермас, М. Фуко, П. Бурдьё). Сегодня обретение новых форм гражданственности, социальности, солидарности и свободы ведется не на привычных социально-политических площадках, а в структурах повседневности, в «лабиринтах» медийного пространства. Следует помнить, что сам переход от подданных политических традиционного типа общества к гражданским сообществам современности – не одномоментный акт, а длительный исторический процесс вызревания совокупности факторов. Полагаю, что теория множественной Современности (Арансон, Айзенштадт), также как и теория многополярного мира (Е.М. Примаков, А. Панарин), концепция государств-цивилизаций (С. Перевезенцев, В. Спиридонова) должны учитывать сложный генезис рождение Модерна из духа первоначального *пиратского накопления капитала* (К. Маркс), из духа протестантской этики (М. Вебер), из мерцающих смыслов гностических сект (А. Неклесса), из возвращающегося к икономии православия (С. Булгаков), из культурных миров конфуцианства (В. Малявин), из буддизма (Э. Шумпетер).

Ключевые институции гражданского общества – правовое государство, гражданские ассоциации и личность – суть грани субъекта Модерна – гражданина, стремящегося к воплощению (М. Мамардашвили), к признанию (Гегель – А. Кожев – П. Рикер), к спасению (М. Вебер – Ч. Тейлор), к свободе. В бытии гражданина в перспективе современной социально-философской парадигмы необходимо различать, как минимум, три взаимосвязанных грани – а) гражданин как субъект государственной политики, б) гражданин как субъект социокультурной деятельности и в) гражданин как личность. Каждая грань требует определенной практики – от открытия до освоения и воплощения.

Иными словами, кардинальный вопрос развития гражданского общества и его институтов – это развитие публичной сферы как сферы обсуждения проблем общества и области принятия решений на различных уровнях: на уровне общей установки

(ожидания поколений), формальных и неформальных лидеров, где может обитать интеллигенция, может осуществляться интеллигентность или рефлексия. К сожалению, в российской политической традиции за категорией «интеллигенция» закрепилась амбивалентная слава (на эзоповом языке XIX в. – определение только для представителей революционно-демократического движения).

Вместе с тем нормативное западнцентричное представление гласит о том, что у истоков субъектов и институтов гражданского общества в Западной Европе (по А. Грамши, О. Розеншток-Хюсси, А. Лосеву) стоит именно *органическая интеллигенция*, давшая начало национальным движениям и многому иному в мире Модерна. Место обитания и взращивания смыслов и сил органической интеллигенции (XIII–XVIII вв.) выступали в содружестве монастыри и университеты, которые, к сожалению, после эпохи Просвещения потеряли чувство своего единства (богословия, философии и науки) и органической связи с народом / нацией. Именно в XIX в. появляется на исторической арене антипод интеллигенции – интеллеktуал – лицо наемного труда, продающее «ум и перо» всем, кто может его нанять.

Итак, органическая интеллигенция – это люди публичной сферы, люди, заканчивающие университеты и становящиеся чиновниками – государственными служащими, военными, верующими, учеными, дипломатами, предпринимателями, инженерами, агрономами, медиками и т.д. – тем, просвещенным народом, который способен к гражданскому служению, духовной практике, к воплощению на любом поприще жизни. Вероятно, не будет преувеличением, что дух Нового и Новейшего времени воплощал не только Ренессанс или Реформация, но процесс институализации университетов и его субъект – *homo academicus* (П. Бурдьё).

Действительно, XVII–XIX вв. – стали временем конституирования и институализации *homo academicus* – университетское образование равно необходимо и монархам (Н. Элиас) с их подданными, и республиканцам. Современный мир – не только Запада, но и мир Организации Объединенных Наций (мир после 1945 г.) – это мир *homo academicus*, где выпускники вузов и в армии, и в спецслужбах, и в госкорпорациях, и в ТНК. Аватарами *homo academicus* выступают и менеджеры, и прекариат, и хиппи, и креаторы.

Линейка *homo academicus* широка – это профессионалы, юристы, политики, философы, богословы, ученые, медики, идеологи – все они живут интерпретациями – все они производят смыслы, генерируют их, находясь в поле борьбы и конкуренции за символический капитал как ресурс организации, управления и контроля за социальным развитием. Общий предмет рефлексии интеллигенции / *homo academicus* – это социальная реальность во всем ее

противоречия и динамике. Метод осмысления – интерпретация, экзегеза, герменевтика, проводником в мир социального всегда выступает язык. Конкурирующие между собой интерпретации социальных процессов становятся событием опыта мысли и самотрансформации *homo academicus*.

Иначе говоря, рефлексивность, методологическая функция процесса интерпретации направлена не только на понимание, но и на преобразование человека как стихийного порождения исторических сил во всеединого субъекта истории, претворяющего родовые (божественную и природную) силы в конкретно-историческом бытии человечества и выходящего тем самым на целе- и ценностно-рациональной деятельности и ответственности. Результат публично-рефлексивной деятельности интеллигенции состоит в конституировании метафизики или мира культуры, благодаря которому создается альтернативный природной реальности мир, необходимый для концентрации, сосредоточения, для обретения каждым самого себя, смысла своего бытия.

Современный путь институализации гражданского общества – это путь не из университетов в народ или на баррикады, а из университетов в новые инновационные отрасли производства. Массовый рост университетов в России в 1994–2010 гг. – это подлинная стихийная социальная революция, ставшая реальным массовым социальным лифтом и спасением России от гражданской войны (студент как альтернатива гопнику). Российские вузы стали местом встречи народа и власти, властителей дум и бюрократии, буйных пассионариев и удачливых предпринимателей, мажоров и парней с окраин. Из университета верстали своих активистов и власть, и бизнес, и НКО. Каждый из вузов помимо образовательной и научно-исследовательской миссии, осуществляет также «третью миссию». Например, на уровне Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (далее – КИУ) мы понимаем третью миссию университетов как деятельность в интересах региональных социальных сообществ, подразумевая под этим благотворительную и волонтерскую деятельность, социальное предпринимательство, развитие экологических проектов, научно-просветительскую деятельность, трансфер научных знаний в различные сферы социума, оказание социальных услуг и участие научно-педагогических работников в деятельности экспертных сообществ и общественных советов республиканских министерств, муниципальных образований. Изначально, с 1994 г., основатель вуза, первый ректор Виталий Гайнуллович Тимирязов – нацеливал и профессорско-преподавательский коллектив, и студенчество на социальную активность, на развитие культуры участного и равнодушного отношения к людям, их интересам, проблемам.

На наш взгляд, создание частного вуза можно рассматривать как гражданскую инициативу, на-

правленную на решение задач, стоящих перед российским обществом, путем расширения образовательных возможностей граждан. В конечном итоге устойчивое развитие общества напрямую зависит от профессиональных компетенций граждан, которые они способны воплотить в своей жизни, на уровне социально-экономических и социокультурных инноваций и предпринимательства. Социальный эффект открытия вуза, нацеленного на государственно-частное партнерство, выразился также и в том, что, помимо развития университета в Казани, его филиалы заработали в шести городах Республики Татарстан (Набережных Челнах, Нижнекамске, Альметьевске, Бугульме, Чистополе, Зеленодольске). Каждый из филиалов стал образующим фактором по «пересборке» городских и муниципальных сообществ, поскольку высшее образование дает путевку в жизнь как молодежи, так и более возрастным категориям, задает новые социально-экономические (развитие малого и среднего предпринимательства) и социокультурные горизонты. Ежегодно десятки преподавателей КИУ входят в состав экспертных комиссий по проблемам развития гражданского общества, акселерации динамики малого и среднего бизнеса, планирования общественных пространств и организации экологического движения, инклюзивного образования, цифровой трансформации, укрепления межнациональных отношений и профилактики коррупционного поведения. В 2016 г. для координации социально ориентированной деятельности вуза и общественников Татарстана была создана кафедра институтов гражданского общества под руководством председателя ОП РТ А.А. Фомина.

Именно большое количество выпускников вузов порождает творчески-инновационный дух Современности. Другой вопрос, что *homo academicus* – это духовно неуспокоенные (по А. Тойнби), которым необходимы большие проекты, мягкое управление и поддержка их свободного профессионального и иного целеполагания, сценариев проживания жизни.

Заключение

В рамках обновления советского общества на волне перестройки М. Горбачева (1985–1991 гг.), а затем в сложнейших условиях становления российского федерализма сформировалась «модель Татарстана» как общий подход политико-экономической элиты региона и субъектов гражданского общества региона к реалиям политического, социально-экономического и социокультурного развития. Создаваемая многоуровневая и многовекторная система оказалась способной ответить на вызовы начала XXI в., задать устойчивый вектор развития в долгосрочной перспективе. Например, республиканский статус Татарстана предполагал установление *линии федерального управления*, прямой и обратной связи между центром и регионом, а также *линии прямой*

демократии, связанной с развитием местного самоуправления, промышленности, агропромышленного комплекса, науки и образования и т.д. В итоге в начале 2000-х гг. Республика Татарстан обрела свою *формулу идентичности*, позволяющую интегрироваться как в федеральную «повестку дня», так и международные политико-экономические процессы, опираясь на консолидированную поддержку большинства граждан Татарстана.

Средоточием всех вызовов, стоящих перед Республикой Татарстан как субъектом Российской Федерации, выступает *проблема* дальнейшего развития цивилизационно-инновационной *субъектности*. В целом она представляет собой модификацию ключевого вопроса эпохи Модерна: как *совместить мировоззренческие ориентиры человека Традиции с интересами человека Модерна*. В XVIII–XIX вв. предполагалось, что человек Традиции обречен на отмирание, «перековку», но затем пафос и понимание значения преобразований изменились. Анализируя современную динамику Республики Татарстан, мы можем уверенно констатировать, что характерной чертой ее развития на современном этапе выступает *инновационность*, явленная в сфере производства, науки и образования, спорта и культуры. В Татарстане выделяют три взаимосвязанных вида инноваций: гуманитарные, социальные, технологические, которые в своем единстве формируют общий стиль жизни (управления, отношения к себе и людям, профессии), определяя специфику региональной идентичности и субъектности. Мы солидарны с позицией Л.В. Сагитовой, утверждающей, что, позиционируя себя как экономического лидера среди субъектов Российской Федерации, Татарстан «укрепляет свой имидж резонансными на федеральном и мировом уровне мегапроектами, такими как празднование 1000-летия Казани, Молодёжная Универсиада 2013 г., Чемпионат мира по водным видам спорта (2015 г.) и футболу (2018 г.)» Перечисленные проекты становятся «точками роста» спортивной, городской и социальной инфраструктур и логично встраиваются в стратегию развития республики [5, с. 142].

Реализуя мегапроекты политическое руководство Татарстана создает *среду развития*, где каждый может проявить свою *личную годность* (термин П.Б. Струве) и развить способность к коллективно-командной работе, к *искусству созидания*, сочетающего интересы личности, общества и государства. Неслучайно кадры, подготовленные в «горниле» республиканских мегапроектов, ценятся не только в регионе, но и в других субъектах Российской Федерации, на федеральном и международном уровнях.

Литература:

1. Рикер П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 399 с.
2. Федотова В.Г., Федотова Н.Н., Колпаков В.А. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.
3. Малявин В.В. Китай управляемый: Старый добрый менеджмент. М.: Европа, 2007. 304 с.
4. Тюрина Н.Е., Хусаинов З.Ф. Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации: вопросы теории и современная практика Республики Татарстан // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162. Кн. 4. С. 131–139.
5. Сагитова Л.В. Политика идентичности Татарстана в контексте становления федеративных отношений в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. С. 135–147.
6. Макарова Г.И. Татарстан в видении элит и простых жителей республики. Журнал социологии и социальной антропологии, 2018. № 21(2). С. 75–105.
7. Хархордин О. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 328 с.
8. Розеншток–Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008. 271 с.
9. Лепский В.Е. Актуальные социогуманитарные проблемы укрепления субъектности России // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 1. С. 28–46.
10. Гражданское общество в Республике Татарстан: потенциал и точки роста / А.А. Фомин, В.Ю. Кулькова, О.Д. Агапов, Р.Х. Гильмеева и др.; под науч. ред. А.А. Фомина. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. 252 с.
11. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Ю. Хабермас; пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Весь мир, 2011. 331 с.

Philosophy of the Common Task of the Subjects of Civil Society in Tatarstan

Agapov O.D.

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

The article examines the activities of civil society institutions in the first quarter of the 21st century in the Republic of Tatarstan, one of the regions of the Russian Federation. The author draws attention to the issues of the constitution and the institutionalisation of diverse humanitarian initiatives by Tatarstan citizens. In the context of the reconstruction of Tatarstan's historical path (1989-2025), it was revealed that the key ideological guideline of interaction between citizens, institutionalized public associations (NGOs) and government structures is the philosophy of a common cause, embodied in the slogans "We are together / Bez Berge", "We can / "Bez buldyrabyz". These formulas serve as an intention for all subjects of civil society, making possible its interactivity, intersubjectivity, dialogicity and interpretativeness, which opens the way to mediation of meanings, the growth of consciousness and self-awareness of subjects of civil society, the development of proactive socio-humanitarian thinking, embodied in large projects of government, citizens and public institutions.

Keywords: initiative, pochin, spirit of enterprise, proactiveness, subjectivity, strategy

